

ДВЕ РОДЫ
САМЫЙ
ДАЧНЫЙ

журнал для

№ 13 (14)
25 марта 1934 г.

Цена въ Латвії

30
сантимовъ

СЛУЧАЙ съ КЛАССИКОМЪ

Литературная сказочка для писателей младшаго и средниаго возраста.

Одним изъ безспорныхъ софитскихъ ступеніе Геркого противъ безграмотности ионизированнаго пролетариата писали, по гамы да ионсъ" классиковъ. Однако, вы ходите, что на повѣрку не толькъ Всльдъ писателемъ, поднимаютъ голову и другое фольклоръ изъ одной

достижениѣ нужно признать недавнее высоцтвенныхъ писателей. До сихъ поръ изъ мнѣніи софитскихъ критиковъ, только "законъ" писателемъ. Ниже приводимъ талантливый

фольклоръ изъ одной

совѣтской газеты.

НЕДАВНО бессмертные русскіе классики собрались въ расширенномъ иллюстраціи. Позывали даже Державина. Рѣчь шла о томъ, чтобы превратить Достоевскаго въ полночного представителя. Чутко предвѣстъ подъ распиской классическаго иллюстраціи пропадетъ и восстановится поганъ, что скажутъ имъ на заседаніи съѣздъ "разумъ, доброе, юморъ".

Выборъ падъ на Чехова.

— Пожалѣйте, Агентъ Павловичъ — утверждалъ его остальное классики — вы у насъ самыи молодой, у васъ и сбѣда изъ Москвой немало родныхъ и знакомыхъ. И изъ васъ теперь вполнѣ понимаетъ. Скорѣе, говорятъ.

— Безусловно — улыбнулся Чеховъ, — рѣчи, конечно, обиживаются, но думай, что на засѣданіи Толстого и Горкаго съ софитскими писателями все-таки можно говорить.

И уѣхалъ.

А черезъ пѣсколько дней Агентъ Павловичъ уже стоялъ у вѣнчанія дома Герцена и съ любопытствомъ черезъ иллюстрацію рассматривалъ писателей, то-ропавшихъ за героями изъ пакета-засѣданія.

Несколько узмѣнилъ Чехова писатель Петър Николаевичъ.

— А, Агентъ Николаевичъ! Чего тутъ скучилъ?

— Чего — изъ поэзіи классики.

Служебникъ чѣтъ, бѣлье. И познаніемъ или подозрѣніемъ?..

— Подозрѣніемъ — лобосно согласился Чеховъ, рѣшился, что первая линия писателей какой-нибудь малой сѣверной народности, загадочной въ его время подъ величественнымъ пресосомъ. — Иправиша, знато. А разрѣзть уши, на какомъ это языке, вы съ иной... баланти?...

Пантелейонъ крѣво усмѣхнулся.

— Какъ же какомъ? На русскомъ. Роднаго рѣчи забыли, эхъ, Агентъ Павловичъ, стыдно! И нынѣ дальше, трезвѣнныи.

Чеховъ показалъ пальцы, посторонился, а авторъ "Брусаева", нахмурилъ брови, пошелъ въверхъ. Стояній тутъ же будущій классикъ Левъ Николаевичъ, кинувъ на уходящаго писателя, замѣтилъ:

— Искониный табунокъ лягнулся задористой фразой.

— Кто лягнулся? — недоумѣвоще отгнулся Чеховъ, ища около себя что-нибудь врѣдъ лопасти.

— Чѣмъ вы, Чеховъ, озъ себѣ вычигнувшисьете? — обидѣлся Николаевичъ. — Скокулиши меня ахъ! Сѣдловка бы окнула. Ишь, забуроманнаго всего!

Да-да, — поддержалъ его тоже писатель Петъръ Николаевичъ, вамъ между лопастами лите-раторнаго языка не помешаетъ! А ешо классикъ! И какъ же можно упирь въ классики выходить! Да обижаетъ, Агентъ Николаевичъ, туды вы? Ишь, тутъ отъ меня не усклонишь!

— Да я и не собираюсь, какъ что вы говорите... успокоилъ отъ рѣки. Меня очень интересуетъ... Вотъ вѣдь эти слова мы въ книгѣ вставляли?

— Конечно, еще не такъ вставляли. Дѣткѣ показали станицу.

— А вѣдь не станица?

— Намъ иѣтъ, признанъ. А вотъ Горкому за пасъ стыдно.

Нетобуръ захочетъ.

— Ха-ха! Бѣльскій како! Гогонь, кри-кунь, бѣльскъ, одно слово бринскій ворокосъ ба-гунинъ.

Чеховъ поспѣшнѣй на него, какъ смотрѣтъ врачи, когда ему въ психиатрической лѣчебницѣ представляютъ интереснаго аксиоматика больного.

— Дѣткѣ, каково?

Погружавшіе неопредѣлжно улыбнулись. Авторъ печаталъ заявъ, сказать, что бѣдъ наловено только Персонально высказалъ;

— А то есть еще — Но Чеховъ уже не слышалъ. Агентъ Павловичъ, точно Подкаменщикъ изъ "Женитьбы" его коллега Гоголь, выскочилъ въ окно, и вскочилъ на проходящий мимо трамвай, помчался прочь. Извиниши же же на плащъ бессмертныхъ классиковъ, кто вымыслилъ на столь плащъ и мрачно спросилъ Пушкина:

— Вы, Александръ Сергеевичъ, кто въ восемнадцатомъ стѣльѣ ближе, кто въ писалъ такие стихи:

— Элефанты, вѣзунты,
И гашицы грызы,
И орлы, оставивъ монты,
Учинивши браки.

Пушкинъ засмеялся.

— Это писалъ извѣстный екатерининскій піаніст Трельковскій.

— Ну, тѣкъ понимаю представляемъ его. Онъ, съ Персональнымъ скорѣе, сговаривалъ.

ЭТО БЫЛА сказка, а присказка вотъ:

— Вѣсъ слова, которыи говорятъ зѣлью писатели, взяты изъ ихъ рѣчановъ, и приведены Горкаго въ его замѣтительной статьѣ въ "Литературной газетѣ". Правда, обычно писатели можемъ собой за такого языка не изъясняются. Они застарѣли это дѣлать своихъ героевъ. Бѣдно же героя даже протестовать не могутъ. Мы испытываемъ за нихъ — пусть авторы языка блоречетъ почтупствуютъ, какъ пріятно имъ жить подъѣзжавшими! Можетъ ихъ отъ этого скокулиштъ, и они перестанутъ вычигрываться, а начнутъ писать русскимъ человѣческимъ языкомъ!